

Александр

Венгер

Затяжной

конфликт

Александр Венгер

Затяжной конфликт. Роман

«Издательские решения»

Венгер А.

Затяжной конфликт. Роман / А. Венгер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854144-5

Армагеддон начался неожиданно. Не было ни апокалиптических всадников, ни трубного гласа. Просто в утренних новостях сообщили: «Сегодня ночью в районе деревень Гиблая и Малые Лохи Рязанской области высадился десант под командованием Черного Рыцаря. Противостоящие ему силы Архистратига Михаила заняли оборону на заранее подготовленных позициях». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-854144-5

© Венгер А.
© Издательские решения

Содержание

1. Москва – Малые Лохи	6
2. Беседы с Самозванцем	13
3. Обустройство лагеря	17
4. Вражеская вылазка	24
5. Представитель президента	28
6. Военный праздник	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Затяжной конфликт

Роман

Александр Венгер

*Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится
на ходу своем, и возвращается ветер на круги своя.
*Екклесиаст, 1:6**

© Александр Венгер, 2021

ISBN 978-5-4485-4144-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Москва – Малые Лохи

Армагеддон начался неожиданно. Не было ни апокалиптических всадников, ни трубного гласа. Просто в утренних новостях сообщили: «Сегодня ночью в районе деревень Гиблая и Малые Лохи Рязанской области высадился десант под командованием Черного Рыцаря. Противостоящие ему силы Архистратига Михаила заняли оборону на заранее подготовленных позициях».

«Кой черт, на подготовленных! – ругнулся Максим, бестолково роясь в шкафу. – Мы рвы копали и валы насыпали не на Рязанщине, а в Нижнем Поволжье. Как полные идиоты. Да где же она, в конце концов?!». При внимательном рассмотрении подкольчужная рубаха, пахнущая воловьей кожей и человечьим потом, оказалась на своем законном месте: в нижнем ящике. Достал, натянул поверх футболки.

«Репортаж с места событий ведет Алексей Карпухин. Алексей, Вы меня слышите? – возвзвал диктор. — Алексей! Алексей?.. Извините, связи нет. Мы передадим репортаж, как только ее восстановят. А пока – зарубежные новости».

Замелькали кадры наводнения в каком-то индийском штате. Бурлящая вода несла вырванные с корнем деревья, смытые машины, домашний скарб. Камера задержалась на кошке, отчаянно вцепившейся в обивку дивана. «Что, киса, спасаешься от Армагеддона? – посочувствовал Максим. – Ну, удачи тебе». Он полез в интернет, отыскал на карте Лохи и Гиблую. Мещерский край, место недалекое, но совершенно неведомое. Знакомый, ловивший в тех краях рыбу, когда-то клялся, что комары там кровожадны, как пираньи в устье Амазонки.

Позвонил своему оповестителю, тот удивился:

- Максим? Какие вопросы?
- Всего один: почему я звоню тебе, а не ты мне?
- Как это? Неужто учения, а мне не сообщили?
- Нет, не учения. Антихрист объявился.
- Да ладно тебе, сегодня не первое апреля.
- Только что было по ТВ: в Рязанской области высадился Черный Рыцарь. Цепочка предупреждения, видать, зависла.
- Ничего себе!

Максим изложил, что знал, описал схему проезда. Информация должна быть точной и полной, а собрать ее нужно самому, не то другие обязательно всё напутают. В завершение беседы распорядился:

- Сообщи дальше. Не только вниз, но и вверх по цепочке.

Не в первый раз приходилось брать командование на себя, и он привычно подумал: ну почему все вокруг сплошные разгильдяи, один я примерный ученик?

В кожаной рубахе было жарко, и Максим ее снял. Телефонные переговоры такой защиты не требовали. Он позвонил своему второму оповестителю, восстановив обе ветки нарушенной цепочки, потом тем пятерым, кого и должен был известить по исходному плану.

Следующий номер – приятеля, который подменял Максима в подобных случаях. Ни ему, ни начальнице Максим, разумеется, не сообщил, куда едет. Не сказал он этого и Дине, беседа с которой предсказуемо оказалась самой сложной. Его странные командировки всегда вызывали у нее подозрения.

- И как зовут организацию, в которую ты едешь? Маша? Таня? Екатерина?
- Ее зовут Апокалипсис, – ляпнул Максим.
- Очень остроумно, – бросила Дина и отключилась.

Он попытался перезвонить, но она не ответила. Если бы можно было честно всё рассказать: дескать, я, сорокалетний мужик, ввязался в дурацкую игру... Он отправил голосовое сообщение: «Не сердись. Люблю, целую». Может, так оно и лучше.

Разговаривая, он продолжал собираться. Спрятал в рюкзак заранее заготовленные продукты: сублимированное мясо, сухие хлебцы, здоровый шмат сала собственного засола, завернутый в белую тряпку и до поры хранившийся в морозилке. Упаковал два запасных комплекта одежды, белье, носки. В наружном кармане уже давно ждал своего часа несессер с туалетными принадлежностями и маникюрными ножницами; при необходимости их можно было использовать и для стрижки бороды. В боковых карманах помещались два светодиодных фонаря, запасные батарейки, блокнот для ведения боевого дневника и другая мелочь.

В последний момент сунул под клапан книжку некого Бомштейна «Цари, императоры, президенты». Неделю назад он по дешевке купил ее с лотка, привлеченный цитатой из Апокалипсиса на обложке: «*И увидел я Зверя и царей земных и воинства их*». Понравилась ему также фотография автора и его краткая автобиография на обороте:

«Мой дед был красным комиссаром. Он сделал революцию и построил свободное общество, которое расстреляло его в 1938 году. В юности меня вдохновляли почти те же идеи, что деда: я мечтал сделать контрреволюцию и построить свободное общество, но с возрастом отказался от этих планов. Контрреволюцию сделали без меня, а общество так и не стало свободным, судя по тому, что его строители до сих пор не расстреляны».

Бомштейн, если верить снимку, был лет на двадцать старше Максима, дед которого – тоже красный комиссар – погиб в том же тридцать восьмом. Что ж, и отец, и сам Максим – поздние, как будут и его собственные дети. Если они вообще будут.

До сих пор почитать про царей и императоров не выходило. Потому что когда? Вот теперь, в спокойные минуты среди сражений, авось, найдется время.

Он достал из холодильника остатки продуктов, что-то съел, что-то взял с собой, что-то выбросил. Холодильник выключил, перекрыл газ и воду. Снова напялил подкольчужную рубаху, затем кольчугу, висевшую на плечиках среди рубашек. Расправил колечки из легкого и прочного титанового сплава. Надел мотокомбинезон с нагрудниками, наплечниками, поясами и набедренниками из того же материала. Мотоботы и мотоциклетный шлем с дополнительным титановым покрытием довершили экипировку. Перед выходом из дома пару минут посидел на рюкзаке. Вовсе не из суеверия, а чтобы собраться с мыслями, проверить, ничего ли не забыл.

Древний лифт дернулся, заскрежетал и стал опускаться с величавой медлительностью, предоставляя возможность изучить похабные надписи на стенах кабины. Встретилась и одна цензурная, но странная: «Здесь был Заратустра». Явная фальшивка: не стал бы великий пророк пачкать стенку. Да и умер он добрых три тысячи лет назад, а этого автографа еще вчера не было. Лифт добрался до первого этажа, подпрыгнул и остановился.

В гараже, навеки провонявшем краской после прошлогоднего ремонта, Максима дожидался его любимец: мотоцикл, не подпадающий ни под один существующий вид транспортных средств. Его украшала эмблема «Мерседес», изготовленная из консервной банки. Максим сам проводил тюнинг своего детища, и сейчас никто не узнал бы в нем подержанный китайский «Лифан», по слухам купленный у приятеля. Он был снабжен двумя баулами и самодельным приспособлением, позволявшим укрепить рюкзак на заднем сиденье.

В баулы Максим загрузил давно подготовленные пакеты. Особо озабочился сохранностью водки, припасенной на случай, когда понадобится нарушить установленный в Дружине сухой закон. Достал из тайника под полом щит и булатный меч, освященные отцом Владимиром. Спрятал меч в ножны, пристегнутые к рюкзаку и выглядевшие как длинный боковой карман, на эфес нацепил для конспирации кокетливый чепчик. Интересно, зачем настоящий меч?

Для антуража? Для дела имелся нормальный, деревянный. Сзади от рюкзака приладил шлем: в городе он надевал легкую каску, не скрывающую лица.

Через несколько минут он уже ехал по Ленинградке, лавируя между машинами. Водители, залипшие во всегдашней московской пробке, завистливо смотрели ему вслед. Они и не догадывались, что он спешит на великую битву Света с Тьмой. Из окна роскошного «Сааба» призывающе махнула рукой красавица-блондинка: дескать, куда же ты, прекрасный витязь? Впрочем, этот жест мог адресоваться не ему, а хлыщу из соседнего кабриолета.

Максим нравился женщинам. Потому что как иначе? Мужественная фигура, интересное сочетание темно-карих глаз со светлыми волосами. Курчавая аккуратно подстриженная борода... Он любил покрутиться перед зеркалом и легко прощал себе эту слабость – маленькую компенсацию за не сложившуюся личную жизнь. Вообще-то, за последние пару лет она могла бы сложиться, но, обжегшись один раз, он стал очень осторожен. Может быть, слишком осторожен, иногда думал он.

По Третьему кольцу добрался до Нижегородской улицы, вскоре перешедшей в Рязанский проспект. Тут стало посвободнее. Выехав за МКАД, сменил каску на шлем, хотя существенной разницы между Москвой и Люберцами не наблюдалось, только стало побольше зелени. У поворота на Егорьевское шоссе встретился магазинчик, и Максим закупил по десятку фланковых разных средств от комаров.

За Малаховкой дорога сузилась, осталось по одной полосе в каждую сторону, движение сделалось плотнее. Потом еще плотнее. А потом вовсе встало. Пришлось пробираться по обочине, залапывая себя, мотоцикл и рюкзак грязью. Вскоре стала понятна причина пробки: посередине дороги, мордами друг к другу, стояли белый «Ситроен» и хищный черный «Чероки». И тут столкновение белых с черными, – усмехнулся Максим. – Правда, не слишком трагичное: дело ограничилось битыми фарами и помятymi капотами.

Дорога опять освободилась, и он поехал по-человечески, по проезжей части, раздумывая о том, какое ему дело до всего этого и почему он с белой ленточкой, пришпиленной к плечу, спешит Бог знает куда, черт знает зачем. Это всё чокнутый Слава-козлодой. Максим пару раз ездил с ним за грибами на его цельноржавом УАЗе и – надо же! – поддался на его уговоры. С чего вдруг? Вроде бы, в отличие от Славки, рассудительный, благоразумный. Может, устал быть таким благоразумным?

Так или иначе, он поехал на ближайшие полевые сборы. Всё оказалось на высшем уровне. Воевода – симпатичный парень, умерший четыреста лет назад и теперь воскресший (а кто проверит?). Ангелы за нас, придет время – присоединятся.

Потом было еще несколько выездов, а в промежутках – обучение фехтованию, тренировки в спортцентре «Богатырь», лекции, знакомство с эсхатологической литературой, беседы об извечной борьбе с темными силами за высшую справедливость, возведение оборонительных сооружений...

Впереди наметился затор: трактор с вихляющимся прицепом нахально перся чуть не по осевой, препятствуя обгону. Судя по всему, вообразил себя президентским лимузином.

...Максим рванул вправо так резко, что едва не упал. Грохот удара, лязг, скрежет... Самосвал, шедший сзади, не притормозил и вплился в тяжелую фуру. Счастье, что рефлексы опередили сознание. Запоздай Максим на долю секунды, его бы размазало между двумя грузовиками. Воевода, конечно, заявил бы, что это происки Врага. Максим, не углубляясь в конспирологические размышления, покрыл последними словами идиота, заснувшего за рулем самосвала, и привычно объехал затор по обочине.

Без новых приключений он добрался до Егорьевска. На въезде в город красовался герб: рука Святого Георгия с копьем, направленным в пасть дракона. Дракон был мощный, весь в чешуйчатой броне, а копье напоминало зубочистку. Исход поединка казался сомнительным.

С правой стороны дороги появились старые избы, бараки. Шоссе проходило по самой окраине города, по левую руку по-прежнему тянулся лес. Потом пошли унылые пустоши. Очередная надпись известила, что он въезжает в славную деревню Заболотье. Вскоре по обе стороны вновь начались низкие сырьи леса. Максим проехал деревню Пёсье с покосившимися деревянными домишками и въехал в село Жабки, поразившее его двух- и трехэтажными сооружениями замысловатой формы. Он остановился и сфотографировал это великолепие.

Невдалеке притормозил еще один мотоцикл – шикарный «BMW». Максим давно уже видел его в зеркале, но не обращал внимания. Подумаешь, «BMW»! Таких пруд пруди. А вот «Лифан», преобразованный в «Мерседес», один на свете.

Мотоциclist стоял, разглядывая достопримечательности Жабок, и у Максима возникло неприятное чувство. Так бывает, когда пишешь письмо, а тебе заглядывают через плечо. Однако, присмотревшись, он заметил на рукаве незнакомца белую ленточку. «Свой! – успокоился он. – Видать, новенький. Подойти познакомиться, что ли? Да ладно, успеется».

Почти сразу вслед за Максимом незнакомый дружиинник тоже оседлал свой «BMW» и тронулся с места.

За новорусскими Жабками опять замелькали островки леса, перемежающиеся пустырями. Синяя табличка попыталась предупредить, что впереди деревня Бураково, но кто-то уже не поленился переправить «Б» на «Д». Есть в русской глубинке люди, неравнодушные к каллиграфическим упражнениям!

Поселок Фрол мало отличался от любого другого: сюда нувиориши еще не добрались. Заборы, куры, тощие собаки. Посреди дороги – растрескавшаяся доска. Максим ее обхехал: запросто проколешь гвоздем шину. Так и есть! Мотоциclist, ехавший сзади, не поберегся – и тотчас остановился, уставился на заднее колесо. Взглянул вслед Максиму, злобно пнул свой «BMW». Небось, выругался, но за тарахтением двух мотоциклов этого слышно не было.

Поворот на Богомазово нашелся легко. Дорога паршивая: так называемая «улучшенная», а в просторечии «стиральная доска». Максим слез с мотоцикла проверить, хорошо ли укреплены вещи. Тряска предстоит изрядная, и если поклажа свалится в лужу, это будет не слишком приятно.

На обочине дороги стояли две девочки в одинаковых платьицах – похоже, сестры. Младшая, сероглазая девчушка лет восьми, обращаясь к старшей, задумчиво высказалась:

– Чё они всё ездют и ездют? Чё они, ... (*непечатное слово*), что ли? Там же нет ни ... (опять *непечатное слово*).

– Не, это испедиция. Нам Нинка, училка наша, грила. К нам на болота, грит, будут ездить. За грязью, грит. Испедиция будет ездить. Грязь, ... (*непечатное слово*),шибко полезная.

– Во, ... (*непечатное слово*), скажешь! – засмеялась младшая. – Грязь – полезная! Да чё с ей пользы?

Максим убедился, что всё держится надежно, и поспешил уехать. Информация, ненароком сообщенная милыми девочками, настораживала: не черные ли устроили «испедицию»?

Щебень вскоре кончился, пошла грунтовка: бугры, лужи. Поодаль врос в землю безнадежно ржавый подъемный кран – исполинский перекошенный крест, ожидающий свою жертву. Потом показалась полуразвалившаяся стена: некогда здесь стоял добротный каменный дом – может быть, церковь или сельский клуб. На стене кто-то написал большими корявыми буквами: «*Налево пойдешь – в болото попадешь, направо пойдешь – в трясине пропадешь, прямо пойдешь – лоб расшибешь*». Кто оставил на почтенных развалинах эту краткую сводку российской истории? Сколько храбрых витязей уже разбило головы об стену, сколько увязло в болотах?

Перед речкой дорога раздваивалась: один ее рукав вел к раздолбанному бревенчатому мостику, другой уходил налево – туда, где виднелась мелкая заводь. Судя по колеям, там был брод для грузовиков и внедорожников. А вот мостик – разве что для мотоцикла. Не обманул Гугл: если на легковушке, то надо кружным путем, через Князево.

Почти сразу за речкой открылась деревня Богомазово: с десяток ветхих изб. У одной из них застыла старушка в платке. Когда Максим проезжал мимо, она, с трудом перекрывая звук мотоцикла, крикнула:

– Сынок! Куды это вы спешите? С утра стою – и всё машины, мотоциклы… Сроду такого не было.

– На пикник едем, бабушка, – ответил Максим, приостановившись. Рассказывать бабусе про игру не хотелось.

– Да что ж вы всё пикникуете? Взрослые, кажись, парни. Вам бы работать, а вы всё пикникуете.

– Иногда и работаем, – бодро отозвался Максим. – А что, много ли машин проехало?

– Ой, как много! С ентою стороны ты уж третий на мотоцикле, да две машины здоровущие. А оттедова, с Князева, так и вовсе машин пять, а мобыть и поболе. Кто ж их считает!

Ну, пять машин – это еще не армия. Максим успокоился и поехал месить слякоть дальше.

Начался низкий сырой лес. По стволам деревьев растекалась белесая плесень, перемежающаяся серно-желтыми лишайниками. Запахло гнилью. Пару раз мотоцикл забуксовал в грязи. Дорога виляла то вправо, то влево, огибая болота. Потом она снова раздвоилась – как и перед мостиком. Правая показалась Максиму надежнее, и он свернул на нее, но ошибся: впереди обнаружилась бездонная лужа. В ней застрял древний мотоцикл с коляской, какие Максим видел только в старых фильмах. В коляске лежал баул, из него торчал незачехленный бердыш. Рядом суетился пожилой бородатый мужик с черной ленточкой на плече. Промелькнула мысль: сейчас как вдарит – любые латы разрубит. И славный рыцарь Света не доедет до Малых Лохов.

Однако бородач не стал доставать бердыш, а призывающе замахал руками. Максим подъехал, и мужик попросил:

– Паренек, не подсобишь мотоцикл вытащить?

– Помогу, если рубить меня не будешь.

Мужчина, вскинув брови, уставился на него:

– С чего это я тебя рубить должен? Наш-то Армагеддон не начался еще. Мы покамест живые люди. Вот нелюдей ваших, мертвяков воскрешенных, порубить бы стоило.

– Воскрешенных? А у вас их разве нет?

– Да есть, куды ж от них денешься? Берись, берись там! Приподнимай! Еще! И мертвяки есть, и шелупонь всякая.

– А отчего ж Вы не с нами пошли, а с Антихристом? – поинтересовался Максим, с натугой вытаскивая из вонючей грязи колесо коляски.

Мужчина внезапно рассердился.

– С каким таким Антихристом?! Всё вы, молодые, напутали. Истинный Антихрист – ересиарх Никон! От него-то многие неразумные соблазнились, по его наущению и утвердилась власть антихristova.

– Вы, папаша, старовер? – сообразил Максим.

– Древлеправославный, – уточнил мужик. – Потому и иду в войско Сына Человеческого. Очернили Его, да не наружность важна, а душа. А иные разряжаются в белые одежды, и нате вам: мы ангелы Господни… Нет, мил человек, не бывать тому.

Мотоцикл с коляской наконец обрел твердую почву под колесами. Старовер нежно потрепал его по холке, кое-как счистил грязь с сапог и предложил:

– Давай теперь твою мотоциклетку перетащим, чтобы и тебе в трясине не застрянуть.

– Не застряну. Я другой дорогой объеду.

– Ну, спасибо, паренек. В другой-то раз, знать, встретимся уж на ратном поле. Я и тогда тебя сечь не стану, не боись. Живых людей крошить вконец неохота. Да не всегда их от мертвяков отличишь. Ну, бывай!

Распрощавшись со старовером, Максим вернулся к развилке. На ветку дерева привязал белую ленточку – одну из многих, лежавших в кармане. Это был знак для своих: ехать нужно по левой дороге. Он и сам поехал по ней, размысливая: забавно, у противника – та же легенда, что у нас, только наоборот.

Всё получалось не по правилам. И враги – не обязательно гнусные отморозки, как изображал воевода. И цепочка предупреждения не сработала. И комары пошалявают. И природа унылая, безрадостная.

В этих местах он раньше не бывал. Да и на учениях отрабатывалось ведение боевых действий в сухой степи. К сражениям в болотистом лесу никто не был готов. Оставалось надеяться, что Антихрист выбрал место высадки в последний момент и его собственное войско столь же мало этого ожидало. Иначе лазутчики давно донесли бы Архистратигу о планах неприятеля.

Хорошо хоть, со страной не вышло ошибки. А то высадился бы Антихрист на другом краю земли – пришлось бы куда труднее. Он представил, как пробирается по австралийским пустыням, притворяясь давно вымершим австралопитеком. Кругом скачут кенгуру, по следу мчащихся диких собак динго, над головой свистят бумерангами аборигенов. Весело!

Сзади снова показался дружинник на «BMW». «Молодец, быстро справился», – подумал Максим и, не оборачиваясь, приветственно помахал однополчанину. Тот повел себя странно: остановился, опервшись на ногу, а руку с какой-то темной штуковиной вытянул вперед, будто прицеливаясь.

Засмотревшись в зеркало, Максим не заметил выбоины на дороге. Мотоцикл клюнул носом, вильнул – и в этот момент сзади прогремел выстрел. Пуля чиркнула по шлему.

Максим рефлекторно пригнулся, чтобы спрятаться за щитом и рюкзаком: какое-никакое, а прикрытие, – и понесся вперед. Не разбирая дороги, подпрыгивая на ухабах, швыряя мотоцикл из стороны в сторону. В голове бестолково крутилось: как такое может быть?! Белая ленточка, пистолет… Сумасшедший. Точно, сумасшедший. Чуть не застрелил, паскуда!

Снова грохнул выстрел, пуля вжикнула над головой. Дорога резко повернула. Максим загнал мотоцикл в кусты, соскочил, вытащил меч. Когда из-за поворота появился преследователь, прыгнул, целясь ему в горло. Промахнулся, попал в плечо, но и этого хватило. Противник упал, заорав от боли: мотоцикл придавил ему ногу и, видимо, сломал ее. А в руке уже снова пистолет. Максим выбил его взмахом меча, подобрал. Под истошный вопль «Пощади! Не убивай! Ничего личного!» разрядил остаток обоймы в колеса «BMW». Хотел пнуть лежащего, но удержался.

Вернулся к своему «Лифану». Поднял, вывел на дорогу и поехал дальше, не обращая внимания на стоны пострадавшего. Отъехав на почтительное расстояние, зашвырнул пистолет в лес. Сердцебиение понемногу успокаивалось, дыхание выровнялось. Адреналин кончился, наступила апатия. «Ничего личного!». Как пить дать, помешавшийся профессиональный киллер. Вот тебе и игра! Игра со смертью.

Под колесо попало что-то мягкое, и он резко затормозил. Вернувшись на пару шагов, увидел раздавленную крысу. Рядом валялись другие крысы: огромные, черные, мордами в одну и ту же сторону. Надо думать, они колонной переходили дорогу и их расплющила тяжелая машина. Слева белела на ветке ленточка: значит, свои тут уже побывали. Максим свернул по указателю и поехал по заросшей дорожке – туда же, куда направлялась крысиная армия.

Верхушки огромных елей почти смыкались над дорогой. Корни местами вылезали из земли. Мотоцикл нещадно тряслось, хотя Максим ехал очень медленно. В воздухе висела водяная пыль. Вскоре впереди над лесом показалась стайка белых голубей. Через пару десятков метров открылось широкое поле, стоящее под паром. Дорога рассекала его на две неравные части, а за ним снова начинался лес. Там виднелось беспорядочное движение, между стволами мелькали какие-то фигуры. Слышалось конское ржание вперемешку с неразборчивыми возгласами.

Переехав поле, Максим увидел на лесной прогалине джип с надписью «*Телевидение России*». Интересно, как они-то узнали о высадке Антихриста?

Он спешился и цепью пристегнул мотоцикл к ближайшей березе, чтобы его не стырил кто-нибудь из ратников Небесного Воинства. Теперь нужно было найти командующего Дружиной.

2. Беседы с Самозванцем

Поначалу Максим... как бы поприличнее выразиться?.. слегка офорнарел, узнав, что во главе Дружины поставлен Григорий Отрепьев. Тот самый – Лжедмитрий. Впрочем, этому не нашлось никаких подтверждений, кроме его собственных слов.

Первая встреча с ним произошла на учениях, почти год назад. Самозванец тогда показал себя человеком решительным и неглупым. За действиями своей армии он следил с невысокого холма. Принимал донесения наблюдателей, отправлял вестовых передать «сражающимся» дополнительные указания.

Максим записался в сотню, в которой состоял Славка. Их командир на сборы не явился, заместитель назначен не был, и начался большой марлезонский бардак. Само собой вышло, что решения стал принимать Максим, хотя, видит Бог, он вовсе не стремился руководить.

- Ребята, на левом фланге дыра! Смещаемся левее!
- Давайте сменим того изящного юношу, он достаточно пробыл на передовой.
- Первый ряд, отходим чуть быстрее! Еще, еще!

Максимов стиль командования ребятам понравился, и сотня работала на удивление слаженно. Выяснилось, что субтильного юнца зовут Петей, здоровенного пьяного детину в футболке с надписью «Пьянству – бой!» – Федей, а хлопца с казацким чубом, приплюснутым носом и глазами навыкате – Лёхой.

На собре командиров Максим увидел воеводу вблизи. Маленького роста, ширококостный, слегка похож на фотографию молодого Ленина, недавно попавшуюся в интернете. Рядом околачивался его помощник по прозвищу Толстый Вася, рыжий и лохматый как орангутан, сбежавший из зверинца.

Самозванец сыпал архаизмами, перемежая их жаргоном разных эпох: видать, общался на том свете со всяkim сбродом. Был он также не прочь щегольнуть латинской фразой, вставляемой обычно не к месту.

- Ты кто таков? Не припомню тя допрежь сего дня.
- Виктора Блинова не было, я его заменил, – отрапортовал Максим.
- Раздолбая Виктора? Опять, поганец, рамсы попутал! А я гляжу, осьмая сотня ныне подвизалась отменно. – Резко сменив интонацию, он обратился к помощнику: – Зачем не доложил?
- Вижу, всё благоразумно – ну и не стал беспокоить.

В ответ на умоляющий взгляд Васи Максим ободряюще подмигнул: мол, никому не скажу, что ты не удосужился заглянуть на наш фланг и сейчас впервые услышал про отсутствие Виктора.

- Блинчикова – рядовым в одиннадцатую сотню, новенького – сотником осьмой, – распорядился воевода. – Как звать?
- Максим.
- Желаешь стать предводителем осьмой сотни?
- Нет.
- Во шельмец! Хвалю. Ну, не желаешь – твоя воля, а я уже тя приговорил. *Dura lex sed lex*¹.
- Служу Всевышнему! – буркнул Максим. Небесного устава он не знал, но решил, что такой ответ подойдет.
- Ты не обижайся, что он тебя дурой обозвал, – шепнул Максиму Толстый Вася. – Это он так, для порядку.

¹ Закон суров, но это закон (лат.).

В завершение встречи Самозванец устроил Максиму допрос: кто таков, чем занималась. Максим, как мог популярно, объяснил. Григорий рассказал о компьютерах не удивился.

— Теперь-то я уразумел, отчего народ ныне такой бездумный, — кивнул он. — За вас эти ваши изделия думают, а вы уж разучились за ненадобностью. Скоро, глядишь, измыслите изделие, чтобы за вас девок любило — тады и вовсе без хлопот заживете.

Отрепьев сразу проникся к Максиму теплыми чувствами. Этому способствовало расположение приблудной кошки, постоянно ошибавшейся при Лжедмитрии. Она была изящна, аристократична и капризна. В ней чувствовалась благородная сиамская кровь, изрядно разбавленная помойными генами. Григорий называл ее Мариной, безудержно баловал и безраздельно доверял кошачьей интуиции в оценке людей.

В одну из встреч Максим рискнул в корректной форме поинтересоваться, зачем воевода выдает себя за покойника:

— Послушай, почему командовать живыми назначили тебя, воскрешенного?

— По знакомству, — усмехнулся Отрепьев. — Меня Михаил-архангел уже не первый век знает, а вы, первоживущие для него *terra incognita*². Оттого и веры вам нет.

— А как получилось, что выбрали именно тебя? Почему, скажем, не Наполеона? Ой, прости, ты же не знаешь, кто это…

— Всё я знаю. Я, как вернулся к жизни, разобрался с грамотой вашей безграмотной и принялся за книги — исторические, философические, теологические. Ну, поставь ты Наполеона над русской дружиной — кто ж его басурманский язык разберет?

— Так он что, во французской дружины?

— Ничуть не бывало. Над галлами поставлена Дева.

— Дева Мария? — изумился Максим.

— Ты чего, ума решился?! Дева Жанна.

— А-а-а, Жанна Д'Арк?

— Ну да. А Наполеон твой, Буонапарте, как про это прознал, так напялил треугольную шляпу, поднабрал солдатиков — из тех, коих в России положил, — и подался к Антихристу. Говорит: «Невместно мне подвизаться под началом у девки». Больно кичливый. А супротив меня он щен неприязненный. До Белокаменной допер, спалил ее к чертям, прости Господи, да и драпанул, аки петух обезглавленный, кровию блюющий. *Per aspera*, да не *ad astra*³. А я царем на Москве сидел. За то обо мне пиесу написали и поют ее на разные голоса.

Он начал мурлыкать какой-то мотив, дирижируя сам себе обеими руками. Максим усмехнулся, и Отрепьев посмотрел на него неодобрительно. Реплика «Пьеса-то не о тебе, а о Борисе Годунове» окончательно вывела его из себя.

— Коли ты успокоился на том, что заглавие прочел, так о Бориске. А как целиком зачтешь, то признаешь, что обо мне.

— Да читал я, читал, — засмеялся Максим. — Помню: «Изловить того вора Гришку и повесить».

Григорий возмущенно закричал:

— Не было такого! Наврал последыш Гаврилы Пушкина. Сам-то Гаврила, пусть лукавый был боярин, да разумный. А этот — балабол без разумения. Сроду я в ту корчму не захаживал, и грамоты царской не зачитывал, и на Варлаама не наговаривал.

Он бы еще долго хаял Александра Сергеевича, но тут прибежал Толстый Вася и напомнил, что максимовой сотне пора изгонять бесов. По закону войны людям надлежало сражаться с людьми, а демонам — с ангелами. Однако будут ли посланцы ада соблюдать закон? На всякий случай следовало научиться отражать их нападение. Начальство организовало тренинг: дру-

² Неизвестная земля (лат.).

³ *Per aspera ad astra* — через тернии к звездам (лат.).

жинники по очереди сотворяли крестное знамение, и Вася, изображающий демона, в комическом ужасе отлетал прочь. Кто-то вместо троеперстия сложил кукиш – тоже сошло. Отец Николай удовлетворенно приговаривал: «Вот так, святым крестом ему в рыло!». Инаковерующие в демоноборчестве не участвовали, поглядывали на церемонию подозрительно.

Увлекшись наблюдениями, Максим прозевал приближение Виктора Блинова, бывшего командира своей сотни. Уклониться от встречи уже было невозможно. Блинов – неприятный субъект с харей истощенного хряка, – нехорошо улыбаясь, процедил:

– Давно к тебе подбираюсь, да ты всё ускользаешь. Теперь не увернешься.

– И не пытаюсь, – ответил Максим не вполне искренне. Он и раньше не раз ловил на себе недобрые взгляды Виктора, но счастливо избегал столкновений.

– Что, снюхались с Гришкой, выперли меня, мерзавцы? Тебя – в командиры, меня – за борт? Ну-ну. Думаете, вам теперь счастье выпадет? Не надейтесь. Еще наплачетесь, вспомните Блинова, только поздно будет. – Он оценивающе оглядел Максима и добавил: – Надо бы тебе рожу набить, да не стану.

Плюнул, повернулся и, слегка прихрамывая, пошел прочь. Благородство Блинова объяснялось просто: он был высок ростом, но не отличался крепким сложением. Спортивная фигура противника подействовала на него отрезвляюще.

* * *

Воевода, хоть иногда и напускал на себя строгость, а поболтать любил. Свою роль воскрешенного Лжедмитрия он играл безукоризненно, сама Сара Бернар позавидовала бы.

Максиму всё хотелось разобраться с полководцами. Почему не назначен воеводой Суворов? Или Дмитрий Донской? Или, на худой конец, Жуков? Но Григорий его оборвал:

– Не изрядно найдеше военачальников, кои решимость имеют во главе вашего войска стать. В бою не побывали, меч не за тот конец держите, щитом токмо от дождя покрываетесь.

– А тебе мы годимся?

– Особо причудничать-то не приходится, – засмеялся Самозванец. – Охотников воевать не вельми много.

– А что, Небесная Рать сама не справится?

Самозванец гордо ответил:

– Нет, без нас им никак. С демонами оне славно борются, а с людью – шиш: оне ж бестельесные. А у Черного Рыцаря полчища первоживущих да воскрешенных. Коли мы Архистратигу не подсобим, то оне всеми градами и весями овладеют и на земле царствие свое учинят.

Была у Григория и собственная концепция загробного мира, вполне оригинальная:

– Это вроде спиши и сны видишь. А что те приснится – то по грехам твоим дается и по вере твоей.

– По вере? Здорово! – обрадовался Максим. – Я тогда, пожалуй, поверю в мусульманский рай с большеглазыми гуриями.

– Веруй себе. Но коли неправедно жил, то твои гурии во снах твоих такое с тобой сотворят, что и помыслить страшно.

– А православному лучшие сны снятся?

– По делам его. Веруешь во Христа и пресвятую Богородицу – привидятся те Христос и Богородица. А примут оне тя али извергнут – это уж смотря как ты жизнь свою прожил.

– А тем, кто ни во что не верит, и сниться ничего не будет? И грешить можно при жизни, сколько душе угодно?

– Коли много грешил, то кошмары тя будут мучить ужасные. Такая жуть, что наяву не придумаешь. И будет те сниться, что Бог, коего нету, над тобой глумится, а ты и оправдаться не можешь, поелику Его нету и оправдываться не перед кем.

– Выходит, рай и ад – это всего лишь разные сны?

– Почитай так, коли по-простому объяснить. А во всей глуби те не понять, доколе время не пришло. Вот преставишься – тады познаешь. Как сказано: *memento mori*⁴.

Так называемых воскрешенных, помимо Отрепьева, Максим пока не видел. При случае спросил:

– Скажи, в нашем войске только те, кто как бы из рая?

– Это с чего? Кто блаженны сны видит, просыпаться не станет. Воскрешенные – оне из тех, кому всякое снится: то хорошее, то непотребное, то вовсе вздорное.

– Значит, у нас ни одного святого? – огорчился Максим.

– Почему нет? Над конницей Архистратига верховенствует Егорий Победоносец. Да и Дева обещалась из своей Галлии к нему в отряд прибыть, коли Антихрист на Руси объявится. И другие святые есть.

– Но как же так? Святые в раю должны быть.

– Кого живые святым считают, то покойным без интересу. А что до Жанны и Егория, так оне воины. Не могут блаженны сны сниться тому, на ком кровь есть.

Получалось, Антихрист в выигрыше – он-то мог набирать свою армию из ада, а там, конечно, от желающих воскреснуть отбоя нет. Но Самозванец объяснил, что обитателей ада Черный Рыцарь не жаловал: кто в прежней жизни нагадил, может и в новой напакостить.

– А в войско просились, это всенепременно. Хоть бы к кому пойти жаждали, да мало кого из них взяли.

Выяснилось, что обе армии отказали Герострату, Малюте Скуратову, Джеку Потрошителю, Гитлеру. Сталина Черный Рыцарь отверг сразу, а Архистратиг долго сомневался. Однако в конце концов и он счел за лучшее обойтись без генералиссимуса, измученного снами о том, как его убивают ледорубом, пытают в подвалах Лубянки, морят голодом в украинском селе, гноят на Колыме.

– Без пользы в семинарии учился, – назидательно заключил Самозванец. – Не уразумел урок про жизнь неправедную и куда от оной дорога лежит.

Было немало и других разговоров с Самозванцем, да большинство забылось. А жаль. Может, теперь, когда неведомые гейм-мастера объявили Апокалипсис, что-то из услышанного оказалось бы полезным. Это ж надо: забабахать такую игру, что о ней по ТВ рассказали! Да и многие участники поверили, что готовится настоящий Апокалипсис.

⁴ Помни о смерти (лат.).

3. Обустройство лагеря

В лесу цвела разнообразная флора, отвратительно зудела мелкая кровососущая фауна. Встречались и люди, дававшие самые разные ответы о местонахождении воеводы. Он обнаружился около штабной палатки: бурно жестикулируя, беседовал с человеком в серебристых латах. Увидев Максима, махнул: «Я сейчас».

Максим ждал, копил раздражение. Наконец Самозванец окончил разговор и подошел к нему.

– Прибыл? Славно! А мы, вишь, с Егорием столковались о взаимных действиях. Вся сотня в сборе?

– Откуда ей быть в сборе, если ничего не сообщили! – зло сказал Максим.

Воевода сокрушенно развел руками:

– Извиняй. Не пашут ваши пчелы. – Так он называл сотовые телефоны. – И пошты нету. Что тут изладишь?

Максим достал свой айфон. Ни сотовая, ни спутниковая связь не работала. Попробовал перезагрузить – не помогло.

– Тут что, экранирует что-нибудь?

– Это уж ты на ясность выводи. Мне и то непонятно, как эти ваши измышления раньше служили.

– Ну хорошо. А послать ангела нельзя было?

– Оне страсть как не любят в город летать. Слишком ими увлекаются. Мальчишки их шугают, камнями в них кидаются. Да и не властую я над ими.

– Ладно, – смилился Максим. – Цепочку предупреждения я запустил, скоро начнут прибывать.

По его мнению, теперь Григорию следовало сказать что-нибудь одобрительное. Желательно, в развернутой форме, пространно и торжественно. Тот, однако, ограничился констатацией:

– Молодец! А то враг уже зачинает безобразить. Давеча крыс наслал. Здоровенны, смердящи – насилиu отбились. Ну, мы тоже не оплошили: отрядили голубей, они на черных налетели и, покуда те прорюхали их потурить, всех обгадили.

– Это ладно, но почему место не то, что обещали?

– Архистратиг же не Господь Бог. Может и ошибиться.

– Что ж Господь Бог ему не подсказал?

– Не богохульствуй, – одернул Самозванец. – Осмотрись-ка лучше в своих пределах. Твоя сотня станет супротив сиротливого дерева на поле. Видел, когда подъезжал? Вот и займись рекогносцировкой, – ввернул он ученое слово.

Максим отправился к опушке. Когда подходил к дороге, услышал музыку, становившуюся всё громче. К лесу подкатил «Ленд Ровер», мигающий огнями и вопящий динамиками, установленными на крыше: прибыла рок-группа «Конец света». Чтобы черный внедорожник не вводил никого в заблуждение, к верхнему багажнику была привязана белая простыня.

Машина съехала на прогалину и остановилась рядом с джипом телевидения. Из нее высыпали музыканты: трое парней и две девушки. Тотчас чудесным образом материализовались видеоператор с камерой, мужик с мохнатым микрофоном на длинном шесте и телекорреспондент – наверное, тот самый Алексей, к которому безуспешно вызывал утренний диктор. Лидер рок-группы – Азамат Кесаев, кучерявый красавец-осетин с трехдневной щетиной – стал давать интервью. Одна из девушек подбежала, одернула на нем кольчугу. Он поблагодарил снисходительным кивком головы.

К «Концу света» в Дружине относились тепло: ребята держались по-свойски, не выпендривались. На строительстве оборонительных сооружений развлекали народ своими песнями и даже сами поучаствовали в земляных работах.

Не успел Максим насмотреться на рок-музыкантов, как прикатил Борис на своей «Ниве». Вылез из машины мрачный, бормоча что-то неразборчивое. Видимо, у него, как у многих людей, ведущих одиночный и преимущественно ночной образ жизни, выработалась привычка разговаривать вслух с самим собой. Этот человек казался не по годам серьезным. Держался отстраненно. Никогда не матерился, но в случае чего мог одним взглядом выразить то, на что другому не хватило бы всего богатства русской обсценной лексики. Часто пускался в заумные рассуждения, одно слово – математик. Бог весть, какие умствования привели его в Дружину.

Потирая отбитые на ухабах задницы, из машины выбрались безлошадные пассажиры: мугучий Федя, изящный Петя, пучеглазый Лёха-анархист и Серёга – оболтус лет двадцати, недавно демобилизовавшийся. Как-то на учениях он рассказывал, что родители пытались спасти его от призыва, запихнув в институт, но он не поддался. «Чем пять лет разными науками мучиться, так уж лучше типа в армии год отслужить». Он охотно делился своими взглядами на правильное мироустройство: кавказцев, калмыков и азиатов без виз не пускать, а виз не давать ни под каким видом, чтобы в Москве духу их не было! Кто-то ему напомнил, что пока еще Калмыкия – часть России, и Серёга отрезал: «Вот и сидели бы в своей калмыцкой России, а в нашу не совались». Свое политическое кредо он проповедовал с настырностью Катона Старшего. Или Младшего – кто его знает! Максим поначалу пытался вести с ним воспитательные беседы, но не преуспел и плонул на всю эту дурь – следствие комплекса провинциала, ненароком попавшего в столицу.

Серёга родился в Дербенте, дагестанском городке, славящемся на весь мир своими коньяками сомнительного качества. При рождении ему дали имя Сармат. Он не скрывал, что отец у него – наполовину аварец, наполовину ингуш, а у матери – таджикские и, кажется, молдавские корни. Когда ему было двенадцать лет, семья от полной безнадеги перебралась с Кавказа – тогда еще российского – в Москву. Он сменил имя и «стал русским и, натурально, православным», хотя крещен не был, Библию не читал и в церковь не ходил.

– Куда-то типа приехали, – сообщил Серёга. – А Славка здесь?

– Едет, – успокоил его Максим, прислушавшись к донесшемуся со стороны поля отвратительному скрежету, который мог издавать только Славкин «Козел».

Так и оказалось: прибыл Слава-козлодой. Первым выскочил из своего чудо-мобиля, набитого пассажирами сверх всякой меры; засияла на солнце голова, выбритая до блеска для маскировки ранней лысины. Выпорхнули медсестры Аллочка и Даша, приписанные к сотне Максима. Вслед за ними вылезли четыре бойца в полном снаряжении. Последними появились Анна Михайловна и подросток лет четырнадцати-пятнадцати в камуфляже и бандане с символикой «Конца света». Предупреждая вопрос Максима, Слава объяснил:

– Это племянник, Сашка. Напросился, стервец. Я ничего сделать не мог. Пристал, как сопля к носу. Я ему: «нельзя, рано», а он не унимается. Да ничего, он шустрый.

– Сколько лет? – жестко спросил Максим.

– Восемнадцать, – торопливо ответил мальчишка.

– Я спрашиваю, сколько лет. – Максим обернулся к Славе. – Без вранья.

– Пятнадцать. Через три недели. Пристал, понимаешь…

– Понимаю. Ну что, отправить тебя с ним вместе обратно?

– Я всё равно пешком сюда приду, – сердито сказал Сашка.

Слава с явным удовольствием прокомментировал:

– Видишь? Ничего с ним не сделаешь!

Максим махнул рукой:

– Ладно, сами разбирайтесь с воеводой. Но учтите, в свою сотню я детей не беру.

— А я и сам к Вам не пойду, — дерзко сказал малец.

— Дурной ты, Сашка, — укорил Слава. — Мало тебя мамка воспитывала по заднице. Отца-то нет, — это уже Максиму. — Одна она, сеструха моя. Весь день в кабинете горбатится, вот и некогда им заняться.

Серёга, нетерпеливо дожидавшийся окончания разборки с Сашкой, наконец добрался до Славы.

— Здорово, что ты тут. Я боялся, вдруг типа не приедешь.

— Вот еще! На Великую Битву за справедливость — и не приехать? Это никак нельзя.

— Ты типа идеальный, — прокомментировал Серёга.

— На всю голову. А то кругом сплошная несправедливость. Машина баражит. Дачу обокрали. Требуют внеочередной отчет по финансовой деятельности, хотят в тюрьму упечь.

— Типа сволочи, — посочувствовал Серёга.

— Не хочешь неприятностей — перестань измываться в своем журнальчике над властью имущими, — посоветовал Максим.

— Вот еще! На фига тогда сатирический журнал?

Их прервала Анна Михайловна:

— У меня в машине всякие коробки. Куда их нести?

Анна Михайловна была в Дружине чем-то вроде ротного старшины: ведала снабжением и следила за сохранностью имущества. Ей было лет семьдесят, но ее энергии хватило бы на трех двадцатилетних.

— Пойдемте к воеводе, узнаем, где у нас будет ход блок, — предложил Максим.

— Вот-вот, — подхватила Анна Михайловна, — пусть Гришенька скажет. Заодно и осмотримся немножко.

Пришлось возвращаться к штабной палатке, так и не дойдя до места дислокации (в голове мелькнуло: я тоже знаю умное слово). На этот раз Максим шел во главе целого отряда. Анна Михайловна с любопытством глядела по сторонам.

— Хорошо тут у вас, — одобрила она. — А не затевали бы вы всякие апокалипсисы, так и совсем бы славно. Напридумывали себе бога, дьявола, чертей разных.

Слава удивился:

— Анна Михайловна, так если нет ни Бога, ни Армагеддона, то мы-то зачем тут ошиваемся?

— Откуда мне знать? Это ваши дела. Мое дело — вас всех одеть, обуть да накормить.

Отрепьев и теперь оказался на том же месте. Сидел, чертил что-то на мятом листе бумаги: вероятно, строил планы наступления или обороны. Увидев Анну Михайловну, просиял:

— О, и Вы здесь! Теперь-то всё будет клёво!

— Гриша, говори по-человечески, — строго сказала Анна Михайловна. Отрепьевские жаргонизмы ее сердили.

Место для хозяйственной палатки Самозванец отвел неподалеку, и Анна Михайловна тут же отправилась его осматривать. Славка представил племянника, стал в очередной раз объяснять, что отвязаться от него невозможно. Сашка поддакивал, преданно заглядывая в лицо Григорию. Тот подумал и распорядился:

— Ладно. Будешь моим... — он слегка запнулся на трудном слове, — *адъютантом* по сношениям с осьмой сотней. *Causa finita est*⁵. От меня не отдаляться, все веления исполнять, не прекословия.

Сашка выпянулся по стойке «смирно», гаркнул: «есть!» и гордо оглянулся на Максима.

⁵ Вопрос решен (лат.).

Оставив Анну Михайловну очищать от шишек ее новые владения, Максим с остальными новоприбывшими занялся перетаскиванием на поляну коробок из «Козла». Об их содержимом можно было только догадываться. Впрочем, у Максима и догадок-то правдоподобных не было. Тяжеленные, внутри что-то позвякивает…

Теперь, наконец-то, можно было осмотреть место, отведенное его подразделению. Что ж, участок неплохой, с относительно твердой почвой. От леса к одинокой березе, украшенной наростом в виде заскорузлой задницы, клином сходится молодой осинник. За ним удобно расположить палатки. Неприятель их не увидит, а у караульных, если их выдвинуть немножко вперед, будет хороший обзор.

* * *

После обеда, который Анна Михайловна выдала сухим пайком, занялись разбивкой лагеря. Поставили палатки на облюбованном месте; подальше в лесу вырыли две ямы на приличном расстоянии одна от другой – примитивные сортиры: мужской и женский.

По завершении работ Максим промазал открытые части тела репеллентом и отправился исследовать окрестности. Дело это оказалось нелегким: то болото, то бурелом. Да еще встретился тощий кабан. Не нападал, но смотрел неприязненно, точь-в-точь как Виктор Блинов. Вспомнились истории о вепрях, растерзавших не одного бравого охотника. И даже меча при себе нет! «Лезу на ближайшее дерево – и хрен он меня достанет», – храбро подумал Максим, но это не потребовалось: кабан всхрапнул и убрался восвояси, чуть приволакивая заднюю ногу.

Только Максим успел вернуться, как прибежал Сашка с указанием от Самозванца:

– Палатки приказано ставить в лесу, за двадцать шагов от опушки. – Счет расстояний в шагах был введен как компромисс между метрами, привычными для ополченцев, и саженями, в которых мерил Отрепьев.

Максим ответил юному адъютанту, что приказ понял. Переставлять палатки он не стал. Потому что куда? В лесу форменный комариный рай. Нет уж, пусть остаются на узкой полосе поля между лесом и осинником. Однако вскоре заявился с проверкой сам Отрепьев и устроил большой скандал.

– Вы ищете живота своего лишиться? Лыри неблаголепные, прости мя, Господи, за слова непотребные. Смерть ми есть от вас. Сказали те устанавливать лагерь в лесу? Тут тя первый вражий ханурик угробит к чертям вонючим, прости Господи.

– В лесу меня комарье раньше угробит, – твердо ответил Максим.

Самозванец плонул, махнул рукой и ушел проверять седьмую сотню. Оттуда донеслось очередное «прости Господи»: соседи, вслед за Максимом, расположились в поле. Однако они оказались более говорчивы и после недолгих пререканий стали переносить лагерь в лес.

В сотне Максима к этому времени насчитывалось семнадцать бойцов – неплохой результат для первых суток мобилизации. По списку у него числилось пятьдесят семь человек («сотнями» подразделения назывались условно), и можно было надеяться, что в ближайшие несколько дней явится не менее половины личного состава.

Суматошный день завершился макаронами с тушенкой и крепким чаем: начали работать военно-полевые кухни. Федя затребовал себе вторую порцию, но повариха воспротивилась:

– У нас всё по справедливости, всем поровну.

Федя возмутился:

– Да какая это справедливость? Ты посмотри на себя и на меня. Ты тощая, хоть и сидишь при харчах, а во мне весу полтора центнера. Мне ж надо форму поддерживать!

Однако худосочная повариха осталась непреклонна. За добавкой Феде пришлось отправляться к Анне Михайловне. Обратно он вернулся сытым и довольным.

– Разрулили вопрос. Благодетельница распорядилась, чтобы добавку давали без ограничений. Теперь заживем!

Федю – силача и выпивоху, этакого неуклюжего Илью Муромца, с которым вечно случались какие-нибудь недоразумения, – знала вся Дружина. Особо он прославился на строительстве земляных укреплений, когда сотне Максима предоставили банный день. Накануне нужно было натаскать побольше воды. Все честно старались, но с Федей никому было не сравниться: он вкалывал за троих. Поэтому никто не возражал, что он еще с вечера, не дожидаясь, пока вода согреется, пошел мыться. Он постоял под холодным душем, блаженно фыркая, отдуваясь, постанывая от наслаждения, и лег спать последним. Утром сотня радостно побежала в банную палатку, но оказалось, что вся вода вытекла: уходя, Федя не закрыл кран. Что ему высказали, приличными словами не опишешь. Хорошо, что не побили: спасли искреннее раскаяние и устрашающая комплекция.

Улеглись рано, но долго не засыпали: балагурили, выясняли, кто сколько привез спиртного. Светя фонариками, устроили охоту на комаров, так что чуть не обвалили палатки. Угомонились только к середине ночи – как раз тогда, когда зуммер сообщил, что пора сменить дозорных. Отправив своих предшественников спать, Максим со Славой заняли наблюдательный пост на краю осинника. После дневной суэты тишина ночи действовала успокоительно. Ей не мешали звуки, долетавшие из леса: редкий крик ночной птицы, стрекот сверчка, неясные шорохи. Диссонансом прозвучал отдаленный гул самолета, но он вскоре стих, и мещерская ночь снова вступила в свои права.

Под утро послышался мягкий стук копыт со стороны дороги. Слава подтолкнул Максима локтем, шепотом спросил:

– Поднимаем наших?

– Пока не надо, – тоже шепотом ответил Максим, приложил к губам манок и свистнул дроздом, предупреждая дозорных соседней сотни. Те откликнулись короткой трелью.

Из темноты донеслось: «Свои!». На фоне светлеющего неба вырисовались силуэты нескольких всадников. Тот, что ехал в центре, выделялся непомерно высоким ростом и исключительной худобой.

– Это же наш Дон Кихот! – шепнул Славка.

– Он самый, – кивнул Максим. – Со своими санчо пансами.

Через пару минут уже не оставалось сомнений: прибыл миллиардер Харитонов со своей свитой. Он был главным спонсором ополчения. В его мастерских изготавливались оружие и доспехи, он же оплачивал дружинникам прогулы на время учений.

Подъехав, всадники спешились и скрылись в лесу, ведя коней в поводу. Других происшествий до утра не было.

После побудки на пост заступили следующие караульные. Ополченцы осторвлено расчесывали комариные укусы. Действия репеллента, которым Максим щедро поделился с другими, не столь предусмотрительными сотниками, не хватило на всю ночь. Его собственные бойцы страдали меньше других: на поле ветерок сдувал мошкуру.

Максим со Славой позавтракали и пошли спать. Проспали до обеда. Поев, присоединились к работе Дружины по налаживанию водоснабжения. К ближнему озеру прорубили тропу сквозь бурелом и проложили гать через болото, настелив украденные где-то доски. Разжившись у Анны Михайловны гвоздями, сколотили мостки, ведущие в воду. На этом деятельность по благоустройству территории закончилась.

Вечером собрали хворост, разложили на поляне костер. Набросали в него сырых веток, чтобы дым отгонял комаров. Легко было представить себе, что это обычный турпоход. Только

почему-то все при оружии, а на переднем крае круглосуточно дежурят караульные. Значит, вот он какой, Армагеддон. Мирный, будничный и вовсе не грозный. Во всяком случае, пока.

* * *

В ближайшие дни под командованием Максима собралось тридцать два человека, в том числе трое латиноамериканцев. Максим знал по-испански лишь *по разаран*⁶, а по-английски немного говорил только венесуэлец, гордо носивший майку с портретом Че Гевары. Двое чилийцев никаким языком, кроме испанского, не владели. Приходилось объясняться жестами. Имя он запомнил всего одно: Хосе. Остальные тут же забыл и про себя стал всех троих называть Хосе.

Прибыл неведомо откуда Керим – молодой мусульманин с отсутствующим выражением лица, какое можно увидеть в транзитной зоне международного аэропорта или на похоронах высокопоставленного чиновника. Керим называл Черного Рыцаря Даджалем и ждал, когда солнце начнет всходить на западе, как предсказал Пророк.

Не теряя времени, Максим приступил к укреплению обороноспособности своих позиций. Опять взялись за лопаты, как пару месяцев назад, когда возводили фортификационные сооружения в степи.

Дружины тогда провела две недели в Поволжье. Была ранняя весна, погода стояла слякотная. Земляные работы удовольствия не доставляли. На первом совещании сотников воевода изложил план командования:

– Там разместит свою рать наш супротивник. – Он указал куда-то в даль. – А мы допрежь того возведем кругом укрепления – вот неприятель и заперт! А как станет он прорываться, так на всякой куртине побиваем будет, доколе не останется у него ни первоживущих, ни воскрешенных. И наступит ему амба.

– Отличный план, – одобрил командир седьмой сотни. – А с чего Вы решили, что Антихрист высадится именно тут?

– Почему бы нет? – ответил за воеводу один из сотников. – Начальству виднее, где высаживается неприятелю.

– На то есть лазутчики, дабы доносить обо всех приготовлениях вражиих, – разъяснил воевода.

– Вообще-то, Армагеддон должен состояться на горе Мегидо, в Израиле, – проявил эрудицию кто-то.

Воевода недовольно отмахнулся:

– Не разумеешь иносказания. Какой такой Израиль? Антихристу Русь надобна. Чтобы было, где разгуляться, и множество простаков, коих одурачить легко. Ну, кончай баки забивать. Укрепления строить кто будет? Нестор?

От строительных работ у Максима осталось тягостное ощущение. Он предчувствовал, что всё это зря. И вот – так оно и вышло. Без толку потраченное время, бессмысленные усилия, пустые хлопоты. Укрепрайон остался в далекой степи, а враг – тут, в двух часах езды от Москвы. Лопухнулся Самозванец, понапрасну заставил Дружину вкалывать.

Зато теперь полученные навыки пригодились. По образцу весенней повинности, перед палатками выкопали ров. Вынутую землю утрамбовали, укрепили ветками – вышел неплохой оборонительный вал. Пошли в дело и битые бутылки, собранные на опушке. Осколки вмазали в гребень вала на радость тем, кто попытается схватиться за него без защитных рукавиц.

Стараясь угнаться за Федей, Максим переутомился. Руки устали, поясница болела. На будущее он решил умерить пыл. Потому что на фига? Сказано же: «*Кто передвигает камни,*

⁶ Они не пройдут (*испн.*).

тот может надсадить себя». Силы надо поберечь для решающей битвы. Правда, пока ничто ее не предвещало.

4. Вражеская вылазка

Ночью в лагере раздался взрыв. Через пару секунд грохот повторился, теперь в сопровождении отчаянного человеческого крика. Едва одевшись и препоясавшись мечом, Максим выскочил из палатки. Стали выбегать и другие дружины. Он крикнул:

– В лес не углубляться! Если заметите человека, высвечивайте его. Больше ничего без команды не предпринимать!

Между деревьями заметались лучи фонариков, но злоумышленников обнаружить не удалось. Максиму почудилось, что невдалеке мелькнула харя давешнего кабана, похожего на Блинова. Наконец кто-то догадался посветить в сторону поля – и тогда стали видны фигуры двух убегавших мужчин. Один из них хромал, тяжело опираясь на другого. Догонять их не рискнули: вдруг у них есть еще одна граната?

Последним из палатки вылез полугоный Федя и громовым голосом заорал:

– Ребята, давайте поймаем и … (*непечатное слово*)!

Через несколько минут прибыл воевода со своим помощником, кошкой Мариной и четырьмя советниками. При свете фонариков мало что можно было разглядеть, поэтому расследование отложили до утра. Спать никто не мог. То и дело выглядывали из палатки: скоро ли рассвет? Строили догадки о том, что взорвали: дорогу к озеру? чью-нибудь машину? Зачем?

Когда рассвело, стало ясно, что бомбы взорвались метрах в пятнадцати от кромки леса. Как раз там по приказу воеводы должна была расположиться сотня Максима. Видимо, в темноте бомбисты приняли за палатки выстиранную одежду, развешенную для просушки. Значит, шли взрывать не дорогу и не машину. Шли убивать. Очередные сумасшедшие. Такие же как тот, что стрелял в лесу. И бог знает, сколько еще таких маньяков во вражеском лагере.

– Вот будет работка зашивать все эти дырки, – переживал Федя, рассматривая рубашку, иссеченную осколками.

– Радуйся, что не придется зашивать собственную шкуру, – посоветовал ему кто-то.

Самозванец, вместе с другими изучавший последствия взрывов, сокрущенно качал головой:

– Слыхал я про адскую машину, да сумлевался. А так складается, что правду бают.

Максим укорил его:

– А ты всё хотел нас сюда разместить, ругался.

– Ну прости, Бога ради. Кто ж мог знать!

Венесуэльский Хосе принимал живейшее участие в обсуждении, объясняя, какой громкий был взрыв: «Бу-у-ум!». Ему вторили чилийцы, размахивая руками и повторяя: «Бум!! Бум!!!».

– *No pasaran!* – провозгласил Максим, и иностранцы в ответ что-то восторженно залопотали.

Он на всякий случай повторил *No pasaran!* и пошел осматривать местность вокруг воронок, оставленных бомбами. Глазастый Сашка обнаружил неподалеку бурые пятна, похожие на засохшую кровь. Кровавые следы вели к границе леса и тянулись по полю. Выходило, что один из диверсантов стал жертвой собственного взрывного устройства – отсюда его хромота и ночной крик. За свое открытие Сашка был пожалован порцией сгущенки, от которой гордо отказался, заявив: «Что я, младенец?!».

– Тогда давайте я съем, – предложил Федя, что тут же и сделал. Сашка проводил сгущенку тоскливым взглядом.

Пошли разговоры, обсуждение причиненного ущерба. Кто-то похвастался:

– От моих штанов вовсе ничего не осталось! Одни клочки.

– Хорошо тебе: зашивать не надо, – позавидовал Лёха.

– Куртка новенькая была, джинсовая, – сетовал Серёга. – Сносу ей не было. Лет пять не снимал, а вот решил типа постирать – и на тебе!

У Анны Михайловны удалось получить несколько комплектов запасного обмундирования для тех, чья одежда пришла в полную негодность. Феде и тут не повезло: на его размер ничего не нашлось.

– А нечего было таким здоровым вырастать, – назидательно сказал Слава. – Нормального роста надо быть, как все.

Федя беззлобно послал его матом и спрятал остатки рубашки, собираясь, вероятно, заняться ее реставрацией в другой раз.

Точку в этой истории поставил воевода, объявив:

– Чтоб отныне на дозоре один воин смотрел вочные погляделки без перерыва! – Имелся в виду прибор ночного видения. – А коли Вася проследит какое небрежение, так я нерадивца самолично плетьью оприходую.

* * *

Во избежание новых эксцессов, в очередной дозор Максим пошел сам, взяв в напарники Егор Егорыча – пожилого пропойцу с лицом, покрытым струпьями, как у безвинно наказанного Иова. Выбор Максима оказался удачным: рассказчики напарника помогали не заснуть, а от наблюдения не отвлекали, поскольку внимания к себе не требовали.

Рассказ Егор Егорыча

Я, может быть, последний русский интеллигент. Потому как все другие или не интеллигенты, или не русские. Вот, положим, Артур Артурович. Он, обязательно, очень культурный и образованный, только никакой он не Артур Артурович, а Арутюн Арамович. А мне фамилия всегда была Поликарпов. И что я интеллигент, так это даже в моей трудовой книжке обозначено, что работал я в Главном Московском Университете. Профессора со мной за ручку прощаются, а доценты говорили: «Здравствуйте, Егор Егорыч. Как поживаете, Егор Егорыч?». А я со всеми вежливо, притом, что даже никакой коррупции мне не давали.. Вот удивляюсь: всем дают, а вахтеру нет. Как будто он не человек и может прожить на свою, извините, зарплату.

И все равно, вот не поверите, а выперли меня по собственному желанию как пьющего много водки на боевом посту. Но это вранье. Я водку не уважаю. Вот ежели самогонка от Ильича – тогда другое дело.

Лагерь спал. Максим представил себе, как похрапывает во сне Георгий Победоносец и дремлют стоя кони его эскадрона. Как вздрагивает Орлеанская Дева, когда ей снятся застенок и костер. Как покоятся на облаке серафимы, прикрыв верхней парой крыл глаза и уши, средней – бестелесное тело, а нижней – срамные места. Только дозорные бодрствовали, бдительно разглядывая в бинокль поле, слабо освещенное ущербной луной. В голове сложилась первая строфа стихотворения:

*В полевой бинокль моцный
Я гляжу на мир полночный,
А кому-то виден, может быть, и я.
Мир устроен слишком сложно,
Но понять устройство можно,
Если вычислить законы бытия.*

Стихотворение не желало сочиняться дальше, и он снова стал вполуха слушать треп Егор Егорыча.

Продолжение рассказа

Значит, нанялся я ночным сторожем в турфирму «Сириус». Не знаю уж, отправляли они туристов на Сириус или куда подальше, а дела у них шли неплохо. Мебель новенькая, на столах компьютеры с диагональю, а кресла здоровенные, как, извините, в зубоврачебном кабинете. И диванчик небольшой, но для спанья удобный. Ну и как-то ночью, смешно сказать, всё подчистую стибрили. Столы с креслами, компьютеры с диагоналями, сейф с деньгами – ехали, конечно, они там были – и даже диванчик. А меня, сволочи, на пол переложили.

Утром понабежали следователи, меня растолкали и объяснили, что это я грабил. А я им прямо говорю: «Я что, Шварценеггер, чтобы всё это унести? И на кой мне столько мебели?». Так что директор устроил мне раздолбай, а туристам рассказал, что их денежки – фьють, поэтому никакие Сириусы им не светят, и пуцай сидят дома и смотрят передачу «Курорты мира» по телевизору. А себе купил трехэтажную виллу и неслабый «Лексус» с наворотами и разными цацками. Ну, да не об нем речь. А об том, что остался я опять без работы...

Егор Егорыч травил байки до конца смены, прерываясь только на закуривание новой сигареты. Никакой реакции слушателя не предполагалось, лишь время от времени звучало: «Не спиши? Ну так слушай дальше». Максим волей-неволей слушал.

* * *

После нападения бомбистов снова потянулись дни и ночи без заметных происшествий. Пару раз прошел небольшой дождь, да однажды рухнула палатка, которую в темноте случайно протаранил Федя. На него, как обычно, поворчали, но, скорее, для проформы: восстановление палатки внесло в жизнь хоть какое-то разнообразие.

В сотне Максима появилось два русскоговорящих иностранца: скрипач из Сербии Стефан Йованович (он всем сообщал, что это не отчество, а фамилия) и американо-израильский еврей Изя Мандель. Стефан учил русский язык в школе, а у Изи родители были из Одессы. Йованович каждый вечер, уйдя поглубже в лес, упражнялся в игре на скрипке. Иногда выступал и перед слушателями, хотя говорил, что эта скрипка «ни богу свечка, ни черту кочегар», и рассказывал, что дома у него осталась еще одна – старинная, работы Жана Вийома. Однако, по мнению Максима, и эта звучала прекрасно.

Изя выглядел гротескно. Рыжебородый, в черном шелковом кафтане с белой ленточкой на плече и в черной шляпе, регулярно слетающей с головы. Под ней обнаруживалась ермолка, которую Изя называл «кипа». С собой он привез огромную коробку с концентратами и пару кастрюлок, в которых сам готовил себе еду. Как он объяснял, его продукты кошерные, а те, что у Анны Михайловны, – нет, поэтому в пищу они не годятся. Кто-то спросил, можно ли ему смотреть, как другие едят некошерное, на что он серьезно ответил:

– Это ваша проблема, я за вас перед Ним не отвечаю.

Воеводе Изя понравился. В его времена примерно так одевались польские шляхтичи.

– Жиды – оне полезные, – изрек Самозванец. – Даром что пужливые, зато хитрые. Бери его к себе в сотню, не пожалеешь.

У Славки же после знакомства с Изей возникли некоторые подозрения, и он поинтересовался у Максима:

– Что это за пугало? Он совсем с глузду съехал?

Максим уверил его, что с Изей всё в порядке: религиозным евреям так положено. Слава удивленно покрутил головой, но, кажется, поверил.

— Ладно, твое дело. Тебе с ним вожжаться.

Серёга долго мучился раздумьями и в итоге поделился мудреным вопросом:

— Вот, допустим, сами-то евреи как о себе говорят? Не станет же типа народ называть себя таким дурным словом.

— Они себя иудеями обзывают, потому как происходят от Иуды, — авторитетно пояснил Егор Егорыч.

— Это который типа Христа распял? Так я бы уж лучше себя евреем называл!

Ко входу в палатку Изя прикрепил изящную бонбоньерку, объяснив, что там находится *мезуза* — молитва, охраняющая двери. Заходя в палатку и выходя из нее, он трогал свою мезузу, после чего целовал пальцы. По утрам и вечерам Изя молился, нацепив на себя какие-то коробочки и накрывшись полосатым покрывалом. Собственная приверженность ритуалам сочеталась у него с ясно читающимся во взгляде неодобрением тех ополченцев, которые расхаживали с крестами на груди. Он иронически посматривал и на мусульман, совершающих намаз, и на солнцепоклонников, приветствующих свое божество поднятыми к небу руками.

* * *

В один из самых скучных дней Максим решил поинтересоваться у воеводы:

— Что-то я не пойму — кто кого держит в осаде? Мы их или они нас? Отчего бы нам не взять их Малые Лохи штурмом?

— Я те так скажу: мы их держим, а оне нас. А про штурм забудь. Там у них всё приуготовлено, дабы всех наших людей уложить. Посему ждать надобно, когда оне на поле выйдут.

— Да зачем им выходить? Они так и будут сидеть, пока нас всех комары не съедят.

— Негоже им сидеть. Оне весь дольний мир воевать пришли. Не будет у них битв да побед — так вся их рать разбежится.

Итак, оставалось тупо ожидать, когда противник соблаговолит напасть, а пока — кормить комаров и общаться с многочисленными сумасшедшими.

Как-то утром к Максиму привязался странный человек без шеи, в спадающих штанах и с расцарапанным лицом. Скрюченные пальцы дергались, сминая и раздирая одежду.

— Проклятые таганроги! — жаловался он. — На кой ляд втягают меня в свои дела? Мелкие тварюки, а подлюchie. Всё обличье мне покоцали. Как сцепились полурогие таганроги и полнорогие, да горорогие, да попорогие — у каких роги от попы растут! Казна-що вытворяют! Один одного лупщуют и меня не милуют.

Его руки вскинулись к лицу, стали карять кожу.

Максим сказал: «Извини, друг, спешу» и попытался ускользнуть. Однако человек без шеи последовал за ним, придерживая штаны одной рукой, продолжая скрести свою физиономию другой и горько жалуясь на бесчинства подлорогих таганрогов.

Вообще, количество чокнутых в Дружине явно зашкаливало. На каждом шагу попадались юноши, разговаривающие сами с собой и неопрятные личности, шарахающиеся от встречных с испугом на лице. Как-то Максим наткнулся на дервиша в белых одеяниях, безостановочно крутящегося вокруг своей оси, как огромный волчок. Правда, потом выяснилось, что это не кататония, а ритуальный танец, дарующий приближение к Богу. Встречались нервные особы, отмахивающиеся от невидимых преследователей, и проповедники с горящим взором, проклинающие всех подряд. Другого труда было ожидать: разве нормальный человек отправится, бросив все свои дела, сражаться с антихристовой ратью? Пойдет под командование к самозванцу, умершему четыреста лет назад? Нет, нет и нет. Он будет смотреть репортажи о Последней Битве по телевизору и приговаривать: «Это ж надо, как дурят народ!».

5. Представитель президента

Около полудня, когда все дела были сделаны, необходимые распоряжения отданы, а до обеда еще оставалось порядочно времени, Максим направился к поваленному стволу, где он оборудовал себе комфортную читальню. Однако в этот раз на поляне обнаружился представительный мужчина с обрюзгшим лицом. Он неодобрительно рассматривал огромную лягушку, сидящую на пне. Она взирала на него так же брезгливо. Мужчина был в дорогом костюме с серебряной искрой и лаковых полуботинках, заляпанных грязью. Услышав шаги, он оторвался от созерцания лягушки и, не меняя выражения лица, посмотрел на Максима. Неожиданно в его глазах появился интерес: он заметил портрет на обложке книги.

– Это... э-э-э... Бомштейн? – спросил он.

Максим подтвердил.

– «Короли и императоры»?

– Да. «Цари, императоры, президенты».

– Вот-вот! – обрадовался незнакомец. – Дайте ее мне. Э-э-э... на полчаса или даже меньше. – И он протянул руку, явно ожидая, что Максим с поклоном вручит требуемое.

– С удовольствием, – сказал Максим. – Только на очереди еще один человек. Вот прочитаю, дам ему, потом Вам.

Мужчина удивился.

– Павел Матвеевич Хвостов-Стахов, – отрекомендовался он. – Личный представитель Президента по Клепиковскому району. Именно району.

Максим вежливо ответил:

– Очень приятно. Максим Михайлович Скворцов, программист. Именно программист.

– Пусть так, – согласился Павел Матвеевич. – Но эта книга мне нужна. Мне сообщили, э-э-э... мне стало известно, что в ней содержится важная информация. Да, информация.

– Я же сказал: дам Вам после Бориса. А если договоритесь с ним, то сразу, как прочту.

Хвостов-Стахов побагровел. Казалось, сейчас он бросится вырывать книгу, но он быстро взял себя в руки.

– Ну что ж. Скажите, когда мне подойти и где искать вашего... э-э-э... Бориса.

Максим, удовлетворенный одержанной победой, сказал:

– Да ладно, на полчаса берите. Я найду, чем пока заняться.

– Вы... э-э-э... благородный молодой человек, – похвалил Хвостов и исчез со своей добычей.

Лягушка, обиженная отсутствием внимания к своей персоне, квакнула и ускакала. Максим, чтобы время не пропадало зря, занялся гимнастикой для глаз по системе профессора Беспалько. Ему не пришлось слишком долго раскаиваться в своем великодушии. Павел Матвеевич вернулся минут через десять и с торжеством сообщил:

– Всё именно так! Никаких сомнений! – Он ногтем отчеркнул в оглавлении одно из названий и потребовал: – Прочитайте!

Максим стал читать.

Третий президент Приамурья

Дмитрий Владимирович Чжао, третий президент Приамурской Республики, правил недолго, как и его предшественники. Через полгода после инаугурации его любимый евнук устроил государственный переворот. Поутру население Республики узнало, что на внеочередных президентских выборах оно единогласно проголосовало за евнуха.

– Во дает! – сказало население и продолжило браконьерский лов рыбы в речных и морских водах страны. Оно мало интересовалось политикой.

Молодое государство не могло обеспечить своим гражданам того, что обещал каждый новый президент. Работы не было. Жизнь дорожала. Пособие по многодетности заменили налогом на детей – иначе Китай не заключал договора о военном сотрудничестве. А без этого никак: Россия, не признавшая независимости Приамурья, послала на восток войска. Они добрались до наснек оборудованной границы, постояли, поглязели на невозмутимых раскосых пограничников и отправились вояси.

Сидя под домашним арестом, охраняемый взводом автоматчиков, экс-президент писал мемуары. Его деньги были изъяты в доход государства и тут же украдены мерзким евнухом. Лишь жалкие четыре миллиона долларов, о которых никто не знал, продолжали храниться в банке на Каймановых островах.

По средам заглядывал сотрудник Совета государственной безопасности – СГБ – и доносило изучал все бумаги, включая выброшенные в корзину. Однажды в месяц Дмитрию Владимировичу присыпали мужеподобную экрани любви, большую мастерницу своего дела. Ее звания в СГБ он не знал, но подозревал, что это она вывела из у первого президента, в каком банке на Багамах тот хранил свои скромные сбережения. Поэтому даже в самые интимные мгновения он тщательно контролировал себя, не допуская даже мысли о Каймановых островах. На всякий случай он избегал упоминаний о кайманах, аллигаторах, гавиалах и прочих крокодиловых. Оставшаяся с детства любовь к зоологии предоставляла ему множество других тем для беседы: он увлеченно рассказывал о динозаврах, текодонтах, драконах острова Комodo, галапагосских черепахах и гигантских анандах.

Так прошло три месяца. Уже были описаны детство, юность и служба у второго президента. Предавать гласности свои деликатные обязанности на этой службе узник не стал. Народу не интересно, как он нанимал девиц по сопровождению и носил за президентом чено-даны.

Однажды он распечатал готовые главы, перечитал их... Не то! Совсем не то! Он смял листы и швырнул их на пол. Щелкнул зажигалкой, поднес ее к скомканной странице...

Бумага ярко пылала на полу. В дверь стучали охранники. Загорелась скатерть на журнальном столике. Вспыхнул паркет из бесценного фиолетового амаранта.

Когда пожар погасили, от дома оставались одни головешки. Среди них нашли обгоревший скелет и оплавившуюся вставную челюсть третьего президента. Однако год спустя обнаружился тайный подвал с подземным ходом, ведущим из сгоревшего дома к побережью. В подвале хранились мужские и женские наряды, а также скелеты обезьян, когда-то приобретенные президентом – любителем зоологии. Итак, он не сгорел, а сбежал, переодевшись до неузнаваемости и подбросив в комнату скелет гориллы или орангутана, сходных с ним по комплекции!

Недавно я побывал с экскурсией на пастбище прирученных скатов около острова Большой Кайман. Покормив рыбой нахальных скатов, я высадился на берег и неожиданно столкнулся с беззубым мужчиной в женском платье. Увидев меня, незнакомец разрыдался и под петушиное кукареканье рассказал свою историю.

– Я законный президент Приамурской Республики, – шамкал он, – а эти аллигаторы мне не верят. У меня нет документов, я всё забыл. Номер счёта, пароль, секретную фразу. Помогите мне!

Чем я мог ему помочь? Разве что дать двадцать центов. Это я и сделал.

– Дочитали? – спросил Павел Матвеевич.

– Да. Ну и что?

– Жив, каналья! Должен мне полтора лимона.

– Долларов? – уточнил Максим.

– Ну не рублей же! Сразу, как окончится эта заварушка, лечу на Большой Кайман. – Под «заварушкой» он, по-видимому, подразумевал Армагеддон. – Вытрясу из него всё до копейки. Именно до копейки.

– Так у него же ничего нет.

– Врет. Кредиторам очки втирает. Я его, э-э-э... мерзавца, хорошо знаю. Чтобы он – да забыл что-то, касающееся денег? Врет! Я подчеркиваю: врет. Получил известие о своем разоблачении – и стал ходить, соотечественникам лапшу на уши вешать. Именно на уши. Эх, жаль, я этого вовремя не прочел, ничего не знал. Ну, зато теперь знаю. Со мной его штучки не пройдут. Но учите, э-э-э... молодой человек, информация сугубо конфиденциальная.

Он изучающе поглядел на Максима, решая, нужно ли брать с него расписку о неразглашении, и, не прощаясь, удалился.

На другой день Хвостов-Стахов разыскал Максима в расположении его сотни. Представителю президента нужен был собеседник. Точнее, слушатель.

– Не хотите ли совершить... э-э-э... небольшую сэппуку, как выражаются японцы? Я подчеркиваю: японцы.

– Сэппуку? Ритуальное самоубийство? Не хочу.

– Что Вы?! Не в этом смысле! В смысле небольшую... э-э-э... прогулку по лесу. Подальше от лишних ушей. Именно ушей.

Уединение понадобилось Павлу Матвеевичу для сообщения очередной конфиденциальной информации:

– Прозябанье в этом лесу не способствует сохранению бодрости духа. Мы с Вами – из немногих тут интеллигентных людей. А так – сплошные маргиналы. Именно маргиналы. Какие-то безобразные панки, неведомо как сохранившиеся толкинисты, бомжи...

Это было недалеко от истины, но Максима привлекала как раз пестрота местного люда. Где еще встретишь столько разнообразнейших персонажей, от юных кришнаитов до седовласых столпов общества?

– Вы уж меня простите, но и в Вашем подразделении культурный уровень... э-э-э... оставляет желать лучшего. Подчеркиваю: много лучшего. И, главное, эти комары. Разве можно с этим смириться?

Он и тут был прав. Архистратиг оказался неважным стратегом. В то время, как армия Черного Рыцаря расквартировалась в деревнях и на прилегающих к ним полях, Небесное Воинство сидело в болоте, всё более теряя боевой дух.

6. Военный праздник

В воскресенье Максима окружили пятеро дружинников. Начали издалека:

– Нехорошие дела, командир. Живем тут без праздников, без выходных – это разве правильно?

– Телевизора нету, интернета нету, в преферанс резаться надоело.

Максим понял, куда они клонят, но виду не подавал.

– Мы вот собрались и решили, что обязательно нужно развлечься.

– Да, командир, надо боевой дух поднимать!

– Во-во, на сорок градусов.

– Хорошо, – согласился Максим. – Вечером гуляем. Но не больше, чем по сто пятьдесят.

Бойцы закричали: «Да здравствует командир!» и попытались его качать, он с трудом увернулся.

День прошел в приподнятом настроении. Дружинники были приятно возбуждены, улыбались, многозначительно подмигивали друг другу.

Под вечер отправились к большой березе с непристойным наростом на стволе. Все несли выпивку, но мало кто озабочился закуской. Максимово сало пришлось очень кстати. Только Изя проявил недовольство. Ему предложили не смотреть на некошерное сало и не пить некошерную водку.

– Водка всегда кошерная, – серьезно ответил Изя.

Анна Михайловна выложила на спальник, служивший дастарханом, несколько буханок черного хлеба и таз с квашеной капустой, девушки разложили еще кое-какую снедь. Азамат водрузил две бутылки дербентского коньяка. Он, как всегда, был небрит, и Максим, как всегда, поразился его искусству постоянно поддерживать трехдневную щетину.

Галантный Слава начал было произносить тост за дам, но Азамат его остановил:

– Давайте выпьем за Большого Бога, который позволил нам дожить до этого дня и встретиться здесь, где совершается столь великое дело, – провозгласил он.

– Так положено по осетинскому обычаю, – шепнула Максиму одна из девушек. – Первый тост – всегда за Большого Бога.

– Теперь поднимем бокалы за Уастырджи, охраняющего странствующих и путешествующих. За то, что он помог нам благополучно добраться сюда и помогает безопасно пройти наш жизненный путь.

Соседка Максима снова тихонько прокомментировала:

– Уастырджи – это осетинское имя Георгия Победоносца. Второй тост всегда за него.

– За Уастырджи, который возглавляет конницу воскрешенных, – продолжал Азамат. – Когда мы бесконечное число раз поднимали за него тост, разве могли мы подумать, что однажды окажемся рядом с ним!

– За сказанное! За Уастырджи! – вразнобой подхватили его соратники и соратницы по «Концу света».

Стемнело. На ветку березы повесили фонарик. Выпили за прекрасных дам, за искусство в лице его лучших представителей – певцов и музыкантов «Конца света», за грядущую победу над силами зла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.